

СОЦИОЛОГИЯ МОЛОДЕЖИ

МОЛОДЕЖЬ КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА: СТРАТЕГИИ КОНСТРУИРОВАНИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ

Светлана Александровна Тулаева^а (svett07@mail.ru),
Елена Федоровна Гладун^б,
Ольга Владимировна Захарова^б

^а Северо-западный институт управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы, Санкт-Петербург, Россия

^б Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия

Цитирование: Тулаева С.А., Гладун Е.Ф., Захарова О.В. (2022) Молодежь коренных малочисленных народов Севера: стратегии конструирования идентичности. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 25(1): 168–189.

<https://doi.org/10.31119/jssa.2022.25.1.6>

Аннотация. В настоящее время активно происходит процесс включения локальных культур в глобальный мир, который сопровождается взаимопроникновением различных культурных практик. В связи с этим особый интерес представляет вопрос, как это отражается на формировании представлений локальных сообществ о своей идентичности. Авторы пытаются ответить на этот вопрос на примере изучения локальных сообществ российского Севера. Статья посвящена проблеме конструирования и поддержания идентичности среди молодежи, относящейся к коренным малочисленным народам Севера. С одной стороны, молодые люди ориентированы на современный формат жизни, с другой — репрезентируют себя как представителей традиционной культуры и стремятся поддерживать с ней связь. Анализируются основные стратегии молодежи из числа коренных народов Севера, позволяющие им балансировать между своей принадлежностью к сообществам, связанным с традиционным образом жизни, и современным миром: стратегия параллельных миров, стратегия проводника и стратегия глобального кочевника. Первая стратегия представляет собой попытку совместить традиционный образ жизни и работу в компании, в то время как две другие в большей степени нацелены на выход из традиционных сообществ и транслирование знаний о них во внешний мир. Особое внимание уделяется социальным ритуалам, направленным на переосмысление прежних практик и называемых в академическом сообществе «изобретением традиций». Последнее происходит через смешение различных культурных практик, перенос традиций из одной среды в другую, переориентацию традиционных ритуалов на внешнюю аудиторию. Это демонстрирует «текучесть» культур и их постоянную адаптацию к изменяющемуся внешнему контексту. Работа выполнена

на основе качественной методологии. Основными методами стали полуструктурированные интервью и анализ документов.

Ключевые слова: коренные малочисленные народы Севера, молодежь, идентичность, «изобретение традиций», стратегии поддержания идентичности, традиционные сообщества.

Введение

В последние годы возросло внимание к проблемам коренных народов и необходимости сохранения их самобытной культуры. Это отразилось в политиках и стандартах, продвигаемых ООН, Всемирным банком и другими международными организациями (Кряжков 2002). Действия мирового сообщества сопряжены с ответной реакцией на процессы глобализации и обращением к локальным культурам. Подобные процессы определяются как «борьба за признание», «движения за идентичность», «движения за культурные права» (Давыдов 2006). Возникший в мире интерес к коренным народам сопровождается романтизацией традиционных («неиспорченных») сообществ и риторикой о необходимости сохранения традиционной культуры в современном мире. При этом под традиционной культурой, как правило, понимаются неменяющиеся социокультурные практики, которые пассивно наследуются следующими поколениями (Benhabib 2002).

Под влиянием этих процессов в России также стало уделяться все больше внимания сохранению культуры коренных малочисленных народов Севера (КМНС) (Жидкова, Тулаева 2020). В конце 1990-х — начале 2000-х годов был принят ряд законов, нацеленных на сохранение традиционного образа жизни коренных народов (ФЗ «О гарантиях...» 1999; ФЗ «О территориях...» 2001). Большинство государственных программ, связанных с вопросами развития КМНС в России нацелены на распространение культурных ценностей КМНС, а также на сохранение их традиционного образа жизни (Правительство ХМАО-Югры 2013; Правительство ЯНАО 2013).

В то же время процессы культивирования и романтизации традиционности ставят вопросы о границах включенности традиционных сообществ в современный мир (Bals et al. 2011). Коренные жители Севера испытывают влияние тех же процессов глобализации и мультикультурализма, что и остальные локальные сообщества (Bolotova et al. 2017). Это влияние вполне способно привести к появлению новых культурных феноменов, оживляющих традицию (Головнев 2012: 6). Жизнь коренного населения не соответствует какому-то одному культурному паттерну, застывшему в музейных

экспозициях, а представляет множество разнообразных сценариев, все в меньшей степени соответствующих стереотипным представлениям о традиционных сообществах (Пика 1996). С одной стороны, часть коренного населения продолжает вести традиционный образ жизни и не готова отказываться от него даже ради комфорта современной жизни. Многие семьи продолжают заниматься традиционными видами деятельности: охотой, рыболовством, оленеводством (Новикова 2008; 2013). Поэтому их жизнь по-прежнему тесно связана с окружающей природой и зависит от нее. У них остались представления о связи с землей, на которой они живут. Основой своего благополучия они по-прежнему считают сохранение своих земель для занятий хозяйственной деятельностью (Хакназаров 2016). Эти тенденции поддерживаются запросами государства и международного сообщества в отношении сохранения уникальной культуры и образа жизни коренных народов (Филиппова 2020). С другой стороны, значительная часть коренного населения переехала в города и ведет современный образ жизни. При этом зачастую это вызывает упреки со стороны внешних акторов, связанные с тем, что коренные жители забыли свою культуру или отказались от обычаев предков. Как замечает ряд исследователей, в этом проявляется желание доминирующей культуры формировать представления о «других», в соответствии с образами других, которые уже существуют (Huggan 2001). В то же время, как показывают исследования, повседневная жизнь коренного населения продолжает содержать много прежних правил и практик, но переосмысленных в современном контексте (Давыдов 2006; Benhabib 2002).

Коренное население сталкивается с необходимостью балансировать между традиционными нормами и современным миром. Наличие этих противоречивых тенденций заставляет их искать новые пути конструирования и поддержания своей идентичности. Особенно актуально это для молодежи из числа КМНС, которая активно включается в современную жизнь, но при этом стремится сохранять связи со своим сообществом и родными, ведущими традиционный образ жизни (Васильева, Маклашова 2018; Toivanen, Fabritius 2020; Hamilton, Seyfrit 1993). Это ставит перед нами следующие исследовательские вопросы: какие стратегии поддержания своей идентичности используются молодежью из числа КМНС в условиях их маневрирования между принадлежностью к традиционным сообществам и современным образом жизни? Как происходит переосмысление культурных традиций молодежью из числа КМНС в условиях современного мира?

Цель нашей работы — выделить и проанализировать основные стратегии молодежи из числа КМНС, позволяющие им поддерживать свою идентичность коренных жителей Севера в современном мире.

Исследование выполнено на основе глубинных интервью с представителями молодежи из числа КМНС, проживающих в российских арктических регионах. В качестве информантов выбирались молодые люди, имевшие опыт традиционного образа жизни, но в настоящее время обучающиеся в колледжах и университетах и проживающие в городах. Основной фокус в интервью сделан на стратегиях, позволяющих совмещать представления о своей принадлежности к традиционному сообществу и современный образ жизни.

Теория и методология исследования

Работа выполнена в рамках социально-конструктивистского подхода, в соответствии с которым конституирующим основанием группы является идентичность (Брубейкер, Купер 2002; Калхун 2013; Тишков 2014; Smith 1998). Идентичность рассматривается большинством исследователей как система социально-культурных маркеров, которые позволяют индивиду или группе атрибутировать свое положение в социальном пространстве (Тишков 2014).

Конструирование идентичности связано с выстраиванием границ между своей группой и остальным миром. При этом создание образа «другого» приводит к формированию определенных шаблонов при восприятии других сообществ. Это означает, что представления и мифы сообщества создаются не только деятельностью акторов, находящихся внутри нее, но и внешними игроками, у которых существуют свои стереотипы в восприятии других. Основываясь на этих стереотипах, они выстраивают свои ожидания и запросы в отношении группы. Зачастую внешние доминирующие группы навязывают представителям сообщества стереотипные образцы поведения из прошлого, которым те вынуждены соответствовать. Так, многие движения, отстаивающие свою национальную и культурную идентичность, выступают за консервацию отличительных особенностей своей группы, ориентируясь на запросы внешних акторов (Давыдов 2006).

По мнению исследователей, одним из ключевых акторов, обладающих символической властью и участвующих в конструировании идентичностей, является государство. Оно обладает способностью номинировать и атрибутировать различные группы акторов (Брубейкер, Купер 2002; Головнев 2012). Однако в эпоху глобализации появилось множество других сценариев конструирования идентичности. В такой ситуации все большую роль начинают играть малые группы, опирающиеся на этнические, религиозные, культурные характеристики, которые используются для противопоставления себя или своей группы другим группам. Это

позволяет оформить границы различий между группами, на основе чего конституируются культуры.

В рамках конструктивизма культура рассматривается как набор институализированных ценностей, верований и практик социальной, экономической и политической жизни (Benhabib 2002). Сообщества коренных народов принято относить к традиционным культурам в связи с их приверженностью социальным нормам и образу жизни своих предков. Так, идентичность коренного жителя Севера тесно увязывается с ведением традиционного образа жизни (Давыдов 2006). Долгое время под традиционной культурой понималась неизменяющаяся и аутентичная культура, чьи ритуалы и обычаи пассивно наследовались следующими поколениями. В то же время исследователи-конструктивисты придерживаются мнения о том, что все культуры создаются посредством постоянных изменений и существуют посредством взаимовлияния с другими культурами. Культурные границы между разными группами очень размыты и взаимопроникаемы (Benhabib 2002; Brubaker 2004). Поэтому использование термина «традиционная культура» предполагает не столько отсутствие изменений, сколько процесс поддержания определенных практик с отсылкой к историческому прошлому. Это представляет собой сложный процесс, состоящий из сохранения и переосмысления исторического опыта в настоящем (Brubaker 2004).

Обращение к историческому опыту происходит через социальные ритуалы, которые получают статус традиций. Как правило, традиции связывались с отсутствием изменений. В противовес этой точке зрения Э. Хобсбаум и Т. Рейнджер предложили рассматривать традиции в контексте культурных трансформаций. Они ввели термин «изобретение традиции», под которым понимают процесс ритуализации определенных практик, опирающийся на апелляцию к историческому прошлому. Цель изобретения традиций — внедрение новых норм и ценностей в обществе (Hobsbawm, Ranger 1983). При этом используются выборочные элементы, которые могут ассоциироваться с доиндустриальным обществом. Лишние элементы забываются или игнорируются. С этой точки зрения традиции конструируются исходя из потребностей современного общества, а не служат инструментом сохранения памяти о прошлом. Все традиции являются созданными, при этом силу традициям придает не их древность, а их востребованность в современном контексте. Воображаемое прошлое часто оказывается мотивировано современными интересами и является результатом современных экономических и политических процессов (Давыдов 2006; Хобсбаум 2000; Hobsbawm, Ranger 2012; Smith 1998). К понятию «традиция» привешивается смысловой багаж, который позволяет

добиться определенных целей. Например, ассоциирование традиций какой-то культуры с примитивизмом или отсталостью делает традицию инструментом управления этой культурой. И наоборот, рассмотрение традиций в контексте необходимости сохранения аутентичной культуры, продвижения ценностей доиндустриального общества делает их инструментом в борьбе за права представителей этой культуры. Приверженность традиции повышает символическую значимость культуры и дает ее представителям политические и экономические инструменты влияния, которые связаны с получением дополнительных прав и конвертируются в экономические преференции. Тем не менее, для того чтобы традиция укоренилась в обществе, она должна опираться на значимые для людей символы и иметь связи с историческим прошлым. Как замечает Э. Хобсбаум, «можно сразу заметить, что сознательное изобретение удавалось лишь в той мере, в какой оно транслировалось на правильной волне, то есть на той, на которой публика была готова его принимать» (Хобсбаум 2000: 57).

Мы сфокусируемся на стратегиях поддержания своей идентичности представителями молодежи из числа КМНС в условиях их маневрирования между принадлежностью к традиционным сообществам и современным образом жизни. Отдельное внимание в рамках изучения этих стратегий будет уделено практикам сохранения и переосмысления традиций. Исследование выполнено с помощью качественной методологии. Работа основывается на анализе интервью с представителями молодежи из числа КМНС. В соответствии с российским законодательством к молодежи относятся люди с 14 до 35 лет (ФЗ «О государственной...» 1995). В нашем исследовании мы сфокусировались на изучении более узкой возрастной группе — студенты колледжей и университетов. Это обусловлено тем, что в этот период жизни происходит их переезд на учебу в крупные города, дальнейшее отделение от семьи и становление самостоятельной жизни. В фокусе исследования были представители ненцев (Ямало-Ненецкий автономный округ — ЯНАО) и хантов (Ханты-Мансийский автономный округ — ХМАО-Югра).

Ненцы — самая многочисленная группа среди КМНС. Всего в России проживает около 42 тысяч ненцев¹. Ненцы подразделяются на две группы: тундровые и лесные. Тундровые ненцы составляют большинство и проживают преимущественно в ЯНАО и НАО. Лесные ненцы представляют

¹ Федеральная служба государственной статистики (2010). Всероссийская перепись населения. URL: http://gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 20.01.2021).

небольшую группу, их численность около 1500 человек². Они проживают преимущественно в ЯНАО и ХМАО. Традиционное занятие ненцев — оленеводство. Ненцы вели кочевой образ жизни, передвигаясь по тундре вместе с оленьими стадами. Помимо оленеводства, они также занимались охотой, рыболовством, разведением собак. Численность хантов в настоящее время в России составляет 28 678 человек³. Основная часть хантов проживает в ХМАО и ЯНАО. Основными промыслами хантов считаются охота, оленеводство, рыбная ловля.

В выборку попали молодые люди, имеющие опыт традиционного образа жизни, но в настоящее время обучающиеся в университетах и колледжах и проживающие в городах на территории Тюменской области. Основной метод исследования — полуструктурированное интервью. Основные вопросы интервью затрагивали следующие темы: опыт традиционного образа жизни, традиции и ритуалы, которые соблюдаются в семьях, обучение в школе и университете, дальнейшие жизненные планы и стратегии. Всего в исследовании участвовали 38 юношей и девушек. Интервью проводились в декабре 2020 г. посредством личных встреч и на интернет-площадке Zoom. Также в работе были использованы интервью, взятые в 2017 г. с представителями органов власти, государственных и общественных организаций, занимающихся вопросами КМНС. Средняя продолжительность интервью составляла один час. Все интервью были транскрибированы. Анализ проведен с применением тематического, осевого и выборочного кодирования (Kvale 1996). Основные выделенные категории для анализа включали в себя представления об идентичности коренного жителя Севера; стратегии поддержания связи со своим сообществом; социальные практики, которые используются для этого. Данные об информантах зашифрованы в итоговой таблице таким образом, они отражают место проживания информанта, время и место проведения интервью.

В поисках идентичности: стратегии поддержания идентичности коренных жителей Севера среди молодежи

Как показало исследование, все информанты подчеркивали свою принадлежность к коренным народам Севера и выстраивали на этом свою этническую идентичность. Все они обозначали условную линию между

² Федеральная служба государственной статистики (2010). Всероссийская перепись населения. URL: http://gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 20.01. 2021).

³ Там же.

коренными жителями и «внешним миром». Можно выделить несколько основных атрибутов идентичности коренных жителей Севера, которые упоминались информантами. Во-первых, это включенность в традиционную хозяйственную деятельность (оленоводство, рыболовство, охота, изготовление традиционной одежды и украшений и пр.). При этом информанты говорят как о традиционной хозяйственной деятельности своего народа в целом, так и об имеющемся у них личном опыте (это может быть опыт, полученный в детстве или во время посещения родственников, проживающих в тундре).

Во-вторых, важным атрибутом идентичности коренного жителя информанты считают знание своего языка. Поскольку национальные языки коренных жителей плотно связаны с традиционным образом жизни, то наиболее хорошо родным языком владеют молодые люди, выросшие в тундре. Ребята, выросшие в поселках, изучали язык в школе, но мало использовали его в повседневной жизни. Но и те и другие считают важным бережное сохранение национального языка.

В-третьих, значимым атрибутом принадлежности к своей общности, о котором говорилось в интервью, являются верования и выполнение связанных с ними ритуалов. К наиболее часто используемым в наши дни ритуалам относятся жертвоприношения духам природы, ритуал очищения, который выполняется по прибытии в тундру или при нарушении каких-то правил. При этом некоторые ритуалы совершаются не только в тундре, но и в городских условиях. Ритуалы сопровождаются словами благодарности за текущую жизнь и просьбами о благополучной жизни в будущем.

В-четвертых, своей отличительной чертой информанты называли также тесную связь с природой и определенными территориями. Среди коренных жителей сохраняется отношение к природе как сакральному объекту, природу благодарят за ее дары и заботятся о ее сохранении. Например, при сборе ягод и грибов оставляют ответные дары в виде хлеба или каких-то других продуктов. Особое внимание уделяется правилам обращения с природой. Это включает в себя различные запреты в отношении использования природных ресурсов и понятие «меры», означающее определенные пределы использования этих ресурсов:

Когда мы кочуем, то мы стараемся приходить на то место, на котором уже были, чтобы не наносить вред природе. Каждый год, в основном, тот же маршрут. Если ты нашел гнездо гуся и решил собрать яйца, то обязательно должен оставить 2 яйца, чтобы потомство у этой птицы осталось» (инф. А2, ЯНАО, 24.12.2020).

Мы не охотимся на сов, чаек, мелких птиц. В основном мы охотимся на уток, гусей, которых бывает очень много, также еще на гагар и куропаток. Мы определяем это количество мерой нужды. Сколько надо самим для еды. Просто так мы не убиваем (инф. Д1, ЯНАО, 24.12.2020).

Кроме того, информанты выделяли их связь с определенными землями. Они подчеркивают свою принадлежность к Северу, любовь к северной природе и радость от нахождения в тундре. При этом родная земля ассоциируется с гармонией, комфортом, отдыхом, отсутствием пустой суеты:

Много приятных моментов происходит в тундре, когда ты едешь на снегоходе в чум, а за километр до него впереди бегут собаки, узнают тебя, радуются. Это очень приятные моменты, ради них я бы здесь остался жить (инф. А1, ЯНАО, 23.12.2020).

При этом пути конструирования идентичности как коренного жителя Севера различны. Первая группа информантов — это молодые люди, выросшие в поселках и городах и проводившие время в тундре только на каникулах и на нерегулярной основе. Так, отвечая на вопрос о соблюдении традиций и включенности в традиционный образ жизни, они подчеркивают эпизодичность и нерегулярность этих занятий. Их представления о своей принадлежности к коренным жителям и уникальности культуры своих народов в большей степени сформированы через образовательные и культурные каналы (школы, музей, книги и пр.). Говоря о культуре коренных народов, они подчеркивают ее уникальность и значимость в общемировом контексте. Вторую группу представляют молодые люди, выросшие в тундре и регулярно проводящие там свои школьные и студенческие каникулы. В этом случае их представления во многом сформировались на основе повседневного опыта жизни в семье, ведущей традиционный образ жизни. В своих интервью они подчеркивают прежде всего личную значимость нахождения в тундре, близости к природе, включенности в традиционные занятия.

Также важно отметить, что все информанты хорошо адаптированы к современному контексту и плотно включены в него. Это связано с тем, что все они получили опыт учебы и жизни в школах-интернатах, которые являются важным интегративным механизмом между общинами, ведущими традиционный образ жизни, и современным миром (Лярская 2016). Возникновение этих школ связано с советской программой всеобщего школьного образования и предполагало обязательное школьное обучение

для всех детей (в том числе коренного населения). В научной литературе существуют дискуссии по поводу позитивных и негативных аспектов школ-интернатов (Лярская 2016). С одной стороны, это позволяет дать образование и возможность дальнейшего выбора жизненной траектории всем детям, живущим в самых отдаленных северных районах. Переезд детей из тундры в школу-интернат дает им возможность привыкнуть к оседлой жизни в поселке и освоить новые правила поведения. С другой стороны, переезд в школы-интернаты сопровождается для детей травматичным опытом отрыва от семьи и привычной среды, а также постепенным отходом от своей культуры. Наши информанты, выросшие в тундре, подчеркивали, что их переезд в города при поступлении в вузы не был связан с каким-то серьезным столкновением между традиционными и современными правилами жизни именно потому, что они уже пережили этот опыт в детстве при поступлении в школы-интернаты:

Все равно, когда только приезжаешь, тебе хочется домой к родителям, в тундру, в среду, где ты вырос. Потому что в школе совсем другая жизнь. Много раз бывали случаи, когда ребята просто одевались и убегали в тундру, их конечно потом находили, но некоторые просто замерзали и умирали там. Конечно, многие ребята пытаются как-то уйти или убежать... Но обычно, когда проходит недели две, ты привыкаешь к поселковой жизни (инф. А2, ЯНАО, 24.12.2020).

Тем не менее практически все родители стремятся дать детям образование, для того чтобы обеспечить им в дальнейшем возможность выбора. Во многих интервью звучал нарратив о том, что «выездной мир не принимает чужих», поэтому детям важно получить все необходимые навыки и знания для современной городской жизни. Все информанты отмечают трудности сохранения своей культуры в условиях постепенного угасания традиционных сообществ. Традиционные виды хозяйственной деятельности уже не позволяют обеспечить свою семью всем необходимым. Вместе с отходом от традиционного образа жизни постепенно начинают забываться традиционные верования, язык, промыслы. При этом зачастую ощущается давление и упреки внешних акторов в отношении происходящих социальных трансформаций. В связи с этим возникает дилемма дальнейшего развития: как сохранить свою культуру в условиях современного мира.

Было бы глупо заставлять людей вести традиционный образ жизни. Многие считают, что твоя национальность все определяет

за тебя и ты обязан ей следовать, но сейчас все не так. Правильнее идти дальше, развиваться, но все же пытаться сохранить это и найти какой-то выход. Сейчас многие люди начинают обвинять в том, что мы уезжаем в другие города. А почему бы и нет? Мы хотим жить дальше, развиваться (инф. Э., ЯНАО, 25.12.2020).

При этом молодые люди не только затрагивают вопрос сохранения духовной и материальной культуры коренных народов, но и задумываются о своей идентичности как коренных жителей Севера в условиях современного мира.

На основе собранных материалов можно выделить три основные стратегии поддержания своей идентичности в контексте маневрирования между традиционным сообществом и современным миром.

Во-первых, это **стратегия параллельных миров**. Она подразумевает совмещение современного и традиционного образа жизни. Например, молодые люди могут работать вахтовым методом на добывающих предприятиях, работающих на Севере, а в свободное от работы время жить в тундре, пасти оленей, заниматься рыбной ловлей и охотой. Как правило, эту стратегию выбирают молодые люди, выросшие в тундре, чьи родители продолжают вести традиционный образ жизни:

Наша работа будет связана с вахтовым методом, поэтому мы сможем часто посещать тундру (инф. В., ЯНАО, 23.12.2020). Или: *Нет, просто там есть месторождение, что позволит мне работать по специальности, но при этом находится недалеко от дома. Кроме того, очень часто наши бригады кочуют прям до Надыма, поэтому я смогу видеться с родными* (инф. М., ЯНАО, 28.12.2020).

Во-вторых, **стратегия проводника**. Она предполагает, что молодые люди, получив образование возвращаются в города или поселки на Севере и ведут уже полностью современный образ жизни, но при этом занимаются сохранением культуры и улучшением жизни коренного населения Севера. Как правило, речь шла о работе в образовательной сфере, сфере культуры, защиты прав коренного населения и пр. Приобретенные во внешнем мире ресурсы и возможности респонденты планируют использовать для помощи своим сообществам. Такая стратегия упоминалась в интервью чаще всего:

Обращать на него внимание, популяризировать свою культуру, потому что об этом еще не полностью знают и существует очень

много ложных стереотипов. У нас в тундре живут люди с традиционным образом жизни, которые не связаны с современным миром и не могут ничего донести ему о своей культуре, поэтому мы должны сделать это за них (инф. А., ЯНАО, 24.12.2020).

Наконец, третья стратегия может быть обозначена как **стратегия глобального кочевника**⁴. Она предполагает активную миграцию молодых людей в другие регионы и страны. В качестве причин предполагаемого переезда называются экологические и экономические проблемы северных регионов, возможность большей самореализации и профессионального роста, желание увидеть и сравнить жизнь в других местах. Но при этом они считают важным распространять знания о своей культуре в тех местах, куда уедут:

Но я хочу лучшего будущего их внукам, моим детям, чтоб они не жили как я: учеба — работа — пенсия — смерть. Я хочу подарить им что-то большее, даже не только своим детям, но и всему народу. Чтоб мы не просто исчезли, а оставили что-то после себя. Я хочу показать своим детям, что мир — это не маленький островок, это огромная планета, что не нужно жить в этих сказках, приданиях (инф. М1, ЯНАО, 26.12.2020).

Выбор наиболее предпочтительной стратегии определяется степенью включенности молодых людей в традиционный образ жизни.

Практики сохранения и переосмысления традиционности

В рамках этих стратегий можно обозначить более частные социальные практики, связанные с переосмыслением традиций, которые позволяют сохранять связь со своей культурой, а также адаптироваться к происходящим изменениям. Независимо от выбранной стратегии, воспроизводство традиций называлось респондентами важным маркером сохранения культуры коренных народов и поддержания связанной с ней идентичности. Поэтому все информанты подчеркивали важность сохранения традиций в своей жизни. В то же время все они по-разному обращаются к традиционному и переосмысливают его в своей жизни. Мы выделили следующие социальные практики, имеющие такой связующий характер:

⁴ Использование данного термина опирается на работы, посвященные вопросам миграции в глобальном мире (Richards, Wilson 2004), однако для нас важно подчеркнуть связь между исторически присущим коренным народам Севера кочеванием и возможностями смены места жительства в глобальном мире.

Сохранение элементов традиционной культуры (фольклор, вещи).

Это действия по сбору артефактов материальной и духовной культуры коренного населения, нацеленные на их сохранение. Молодежь из числа КМНС активно участвует в таких программах или сама их инициирует. Наиболее интересные материальные артефакты отправляются в дома культуры и местные краеведческие экспозиции, собранные фольклорные материалы публикуются. В беседах молодые люди сообщали, что записывали на диктофон сказки и песни своих бабушек с тем, чтобы сохранить и впоследствии издать эти материалы.

Смешение различных культурных практик связано с взаимопроникновением и взаимовлиянием различных культур. Это может выражаться в создании каких-то новых культурных феноменов, основанных на сочетании разного культурного опыта. Например, в одном из интервью информант рассказывала о том, как они организовали новый вид спортивного состязания — футбол в традиционной одежде ненцев — малице. Этот вид спортивного состязания стал популярным в поселке и регулярно проводился во время малого слета оленеводов:

Мой товарищ рассказывал о том, что, когда он играл в футбол, к ним в команду присоединился человек, на котором была надета малица (судя по всему, он приехал на какой-то праздник). Именно тогда ему в голову пришла идея сделать так, чтобы в футбол все играли на одних условиях — в малицах» (инф. А., ЯНАО, 24.12.2020).

Таким образом, помимо таких традиционных спортивных состязаний, как метание хорея и прыжки через нарты, в сообществе стал практиковаться футбол в малицах. В данном случае произошла компиляция современной спортивной игры и атрибутов традиционного сообщества. Интересно, что идея принадлежала молодому поколению, которое, возможно, было уже не так успешно в традиционных ненецких видах спорта, но считало важным сохранять элементы традиционной культуры в современных условиях. Также смешение культурных традиций можно заметить в пересказе традиционного фольклора, когда прежние сказания переплетаются с новыми образами, позаимствованными из других источников. Например, помимо традиционных *сихяртей*, которыми издавна пугали ненецких детей, появились новые персонажи:

Еще нас пугали тунгусиками. Это злодеи, у которых длинные ноги, примерно метра четыре, и узкие глаза. Нам говорили, что они забирают людей через отверстие в чуме, пока человек спит, на три или

четыре месяца, а потом этих людей находили подобными вот этим тунгусам (инф. А1, ЯНАО, 23.12.2020).

Другой пример смешения различных культурных практик — производство одежды, обуви, посуды, когда, например, происходит смешение новых материалов и традиционных орнаментов. Например, молодежь из числа КМНС охотно пользуется современными вещами, но с традиционной символикой.

Реконструкция традиций, ориентированная на внешнюю аудиторию. Примером может являться реконструкция традиционных праздников коренных жителей, которая широко практикуется в северных регионах. Наиболее известными из них считаются день оленевода, день рыбака, медвежий праздник. По словам информантов, есть праздники для внешнего мира и «праздники для своих». «Праздники для своих» предполагают участие узкого круга людей (родственники, соседи) и нацелены на поддержание тесных связей внутри своего сообщества. Праздники для внешнего мира служат инструментом привлечения внимания внешних акторов (властей, промышленных компаний) к проблемам коренного населения или способом рассказать о культуре коренных народов другим сообществам. Проведение таких праздников проходит при поддержке органов власти и отличаются масштабностью и красочностью. Молодежь также активно принимает участие в проведении этих праздников, выступая в составе фольклорных коллективов или занимаясь организационными вопросами.

У нас есть традиционные праздники, такие как вороний день, медвежий праздник. Он у нас, кстати, уже был, когда родственник с папиной деревни убил медведя. Вообще медвежий праздник сейчас редко празднуется, в основном празднуют день оленевода, но это для внешних людей (инф. К., ЯНАО, 24.12.2020). Или: Ежегодно мы проводим открытие форума на Андреевском озере, где проходят различные экскурсии, приезжают дети из детдомов. В свою очередь, мы показываем наш традиционный образ жизни, одежду, представляем нашу традиционную кухню, проводим разные игры» (инф. А1, ЯНАО, 23.12.2020).

Перемещение традиций. Эта ситуация касается переноса традиций из одной (например, тундры) в другую (например, город) среды. Как правило, информанты говорили о несовместимости традиций и городского образа жизни. Тем не менее некоторые ритуалы и правила продолжают

соблюдаться жителями, переехавшими в город. Например, это касается разделения на мужские и женские зоны. В ряде случаев такие правила соблюдаются даже в смешанных семьях, где кто-то из супругов не относится к коренным жителям. В некоторых случаях речь идет о воспроизводстве традиционных ритуалов в городе. При этом в городе обряды проводятся в более сокращенном виде, чем в тундре, и не так регулярно:

Традиции в основном касаются тундры, потому что мы считаем ее священной территорией. Но все же даже в городе мы помним о том, что нельзя, чтобы мужские и женские вещи вместе хранились, и соблюдаем это, потому что независимо от местонахождения, девушка всегда остается девушкой, а мужчина — мужчиной (инф. В., ЯНАО, 23.12.2020). Или: Во время проведения этого обряда жгут специальную смесь и кору дерева, развевая дым по всей квартире, чтобы все было хорошо весь год (инф. А., ЯНАО, 24.12.2020).

Также при переезде в город коренные жители зачастую берут с собой предметы из своего традиционного обихода, которые не столько важны в повседневном использовании в городской жизни, сколько позволяют сохранить символическую связь со своим сообществом. Это могут быть элементы одежды, обувь, украшения.

Важную роль в поддержании и «перезагрузке» традиций играют организации, ориентированные на сохранение культуры и защиту интересов коренных жителей. Примерами таких организаций являются «Кедр» в Тюмени и «Ямал-Потомкам» в Салехарде. Информанты подчеркивали, что такие организации помогают им поддерживать связь со своим сообществом, организовывать праздники, говорить на своем языке, обсуждать «особенные» темы.

Заключение

В глобальном мире происходит усложнение механизмов идентификации, связанное с распространением универсальных ценностей, с одной стороны, и стремлением локальных сообществ утвердить свою уникальность — с другой. Это ведет к появлению более разнообразных стратегий при обозначении границ между «своими» и «чужими». При этом локальные сообщества стремятся не только к поддержанию границ своей общности в глобальном мире, но и к тому, чтобы «вписать» себя в этот мир. Это ведет к усилению процессов, связанных с взаимопроникновением культур и их трансформацией (Benhabib 2002). Этой цели служат ритуалы и церемонии, позволяющие установить связь с прошлым и перекинуть мостики

в будущее. Происходит «изобретение традиций», направленное на установление таких связей между историей и современностью. Агентами этих изменений зачастую становятся именно молодежь.

Наше исследование сосредоточено на анализе стратегий и социальных практик, позволяющих молодежи из числа КМНС отвечать на подобные вызовы глобального общества. С одной стороны, они ориентированы на современный мир, с другой стороны, позиционирую себя как представителей коренных народов, связанных с традиционным образом жизни, и стремятся к сохранению этих связей. Значительная часть наших респондентов, прожившая большую часть жизни в поселках или городах, апеллировала к представлениям о традиционных сообществах, отчасти почерпнутых через государственные каналы: школы, музеи, дома культуры. В то же время у части респондентов, имевших более длительный опыт традиционного образа жизни, эти представления сформировались на основе их повседневных практик. Если первая группа респондентов чаще фокусировалась на значимости культуры коренных жителей для мира в целом, то вторая группа респондентов говорила о значимости традиционного образа жизни лично для них. В ходе исследования выделены три основные стратегии, позволяющие молодежи балансировать между современным образом жизни и традиционным сообществом: стратегия параллельных миров, стратегия проводника и стратегия глобального кочевника. Первая стратегия в большей степени предполагает возможность для самих респондентов вести традиционный образ жизни в современных условиях, в то время как две другие ориентированы на активный взаимообмен с внешним миром (распространение знаний о коренных народах в мире и привнесение ресурсов внешнего мира для местных сообществ).

В беседах с респондентами постоянно звучали отсылки к важности традиций. В то же время рассказы респондентов о поддержании традиций свидетельствуют о том, как происходит переосмысление этих традиций в современном контексте. «Изобретение традиций» происходит через смешение различных культурных практик, перенос традиций из одной среды в другую (например, из тундры в город), реконструкцию старых практик, ориентированную на внешних участников. При этом прежние практики наполняются новым смысловым содержанием. Часть «изобретенных традиций» нацелена не только на поддержание внутригрупповой идентичности и определения границ «свои — чужие», но и на активное выстраивание мостиков между сообществом и внешним миром, включение внешних акторов в социальные практики, которые раньше были характерны только для «своих». Так, традиционные праздники, служившие

способом сплочения сообщества, теперь используются для установления связей с внешними акторами и привлечения их внимания к проблемам коренных жителей. Другой пример — изготовление традиционной одежды и обуви на заказ для внешних акторов. Традиционная одежда или предметы быта, взятые коренными жителями в город, наряду с их функциональной ролью, приобретают символическое значение — сохранение памяти о родных местах и демонстрации окружающим принадлежности к определенному сообществу. Все эти процессы демонстрируют подвижность культур и их постоянную адаптацию к изменяющемуся внешнему контексту, а также ресурсы, которые могут быть использованы в процессе этой адаптации.

Литература

Брубейкер Р., Купер Ф. (2002) За пределами «идентичности». *Ab Imperio*, 3: 61–115.

Васильева О., Маклашова Е. (2018) *Молодежь Арктики: идентичности и жизненные стратегии*. Якутск: ИГИиПМНС СО РАН.

Головнев А.В. (2012) Этничность: устойчивость и изменчивость (опыт Севера). *Этнографическое обозрение*, 2: 3–12.

Давыдов В.Н. (2006) Культурная аутентичность и коренные народы: институциональные процессы и политика идентичности. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 9(3): 93–109.

Жидкова Н., Тулаева С. (2020) Культурная политика в российских регионах: коренные народы, государство и корпорации. *Журнал исследований социальной политики*, 18(3): 429–444.

Калхун К. (2013) *Национализм*. М.: Directmedia.

Кряжков В.А. (2002) Коренные малочисленные народы России и международное право. В *Обычай и закон: исследования по юридической антропологии*. Под ред. Н. Новиковой и В. Тишкова. М.: Стратегия: 109–134.

Лярская Е. В. (2016) «Кому-то тоже надо и в городе жить...»: некоторые особенности трансформации социальной структуры ненцев Ямала. *Этнографическое обозрение*, 1: 54–70.

Новикова Н. И. (2008) *Люди Севера: права на ресурсы и экспертиза*. М.: Стратегия.

Новикова Н.И. (2013) Коренные народы российского Севера и нефтегазовые компании: преодоление рисков. *Арктика: экология и экономика*, 11(3): 102–111.

Пика А.И. (1996) Неотрадиционализм на российском Севере. *Социологические исследования*, 11: 47–53.

Тишков В.А., Новикова Н.И., Пивнева Е.А., Степанов В.В. (2014) Коренные народы российской Арктики: история, современный статус, перспективы. М.: Институт этнологии и антропологии РАН.

Филиппова Н. А. (2020) Право коренных народов: перспективы развития в условиях освоения Арктики. В *Арктика: общество, наука и право: сб. статей*. Под ред. Н. К. Харлампевой. СПб.: СПбГУ.

Хакназаров С.Х. (2016) *Проблемы социально-экономического развития территорий традиционного природопользования коренных народов ХМАО-Югры (по материалам социологических исследований)*. Ханты-Мансийск: Югорский формат.

Хобсбаум Э. (2000) Изобретение традиций. *Вестник Евразии*, 1(8): 47–62.

Bals M., Turi A.L., Skre I., Kvernmo S. (2011) The relationship between internalizing and externalizing symptoms and cultural resilience factors in Indigenous Sami youth from Arctic Norway. *International Journal of Circumpolar Health*, 70(1): 37–45. doi: 10.3402/ijch.v70i1.17790.

Benhabib S. (2002) *The claims of culture. Equality and diversity in the global era*. Princeton, NJ: Princeton University Press.

Bolotova A., Karaseva A., Vasilyeva V. (2017) Mobility and Sense of Place among Youth in the Russian Arctic. *Sibirica*, 16(3): 77–123. doi: 10.3167/sib.2017.160305.

Brubaker R. (2004) *Ethnicity without groups*. Cambridge: Harvard University Press.

Hamilton L.C., Seyfrit C.L. (1993) Town-village contrasts in Alaskan youth aspirations. *Arctic*, 46(3): 255–263.

Hobsbawm E., Ranger T. (eds.) (2012) *The invention of tradition*. Cambridge: Cambridge University Press.

Huggan G. (2001) Virtual multiculturalism: the case of contemporary Britain. In: Broich U., Bassnett S. (eds.) *Britain at the Turn of the Twenty-First Century*. Brill: 67–85.

Kvale S. (1996) *Interviews: An Introduction to Qualitative Research Interviewing*. Thousand Oaks: Sage.

Richards G., Wilson J. (2004) *The Global Nomad: Backpacker travel in theory and practice*. Clevedon: Channel View Publications.

Smith A. (1998) *Nationalism and modernism. A critical survey of recent theories of nations and nationalism*. L.; N.Y.: Routledge.

Toivanen R., Fabritius N. (2020) Arctic youth transcending notions of 'culture' and 'nature': emancipative discourses of place for cultural sustainability. *Current Opinion in Environmental Sustainability*, 43: 58–64.

Источники

Правительство Ханты-Мансийского АО-Югры (2013) *Государственная программа «Социально-экономическое развитие коренных малочисленных народов Севера Ханты-Мансийского автономного округа — Югры на 2018–2025 годы и на период до 2030 года»*, № 398-п от 03.10.2013. URL: <https://depprirod.admhmao.ru/gosudarstvennyye-programmy/> (дата обращения: 04.08.2019).

Правительство Ямало-Ненецкого АО (2013) *Государственная программа Ямало-Ненецкого автономного округа «Основные направления развития культуры на 2014–2020 годы»*, № 1122-п от 25.12.2013. URL: http://культураямала.рф/attachments/article/772/1122-P_25-12-2013.pdf (дата обращения: 04.08.2019).

Федеральный закон (1999) «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации», № 82-ФЗ от 30.04.1999. URL: <http://constitution.garant.ru/act/right/180406/> (дата обращения: 04.08.2019).

Федеральный закон (2001) «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации», № 49-ФЗ от 07. 05.2001. URL: <http://base.garant.ru/12122856/13363> (дата обращения: 04.08.2019).

Федеральный закон (1995) «О государственной поддержке молодежных и детских общественных объединений», № 98-ФЗ от 28 июня 1995 г. Доступно по ссылке: <https://base.garant.ru/103544/> (дата обращения 24.11.2021)

Список использованных интервью

Информант А., место рождения — ЯНАО, дата интервью — 24.12.2020, место проведения интервью — через Zoom.

Информант А1, место рождения — ЯНАО, дата проведения — 23.12.2020, место проведения — Тюмень, ТюмГУ

Информант А2, место проживания — ЯНАО, дата интервью — 24.12.2020, место проведения интервью — через Zoom

Информант В., место рождения — ЯНАО, дата проведения — 23.12.2020, место проведения — Тюмень, ТюмГУ

Информант Д., место рождения — ЯНАО, дата проведения — 28.12.2020, место проведения — Тюмень, ТюмГУ

Информант Д1, место рождения — ЯНАО, дата интервью — 24.12.2020, место проведения интервью — через Zoom

Информант Д2, место рождения — ЯНАО, дата проведения — 25.12.2020, место проведения — Тюмень, ТюмГУ

Информант К., место рождения — ЯНАО, дата интервью — 24.12.2020, место проведения интервью — через Zoom

Информант Л., место рождения — ХМАО, дата интервью — 27.12.2020, место проведения интервью — через Zoom

Информант М., место рождения — ЯНАО, дата проведения — 28.12.2020, место проведения — Тюмень, ТюмГУ

Информант М1, место рождения — ЯНАО, дата проведения — 26.12.2020, место проведения — Тюмень, ТюмГУ

Информант О., место рождения — ЯНАО, дата интервью — 24.12.2020, место проведения интервью — через Zoom

Информант Р., место рождения — ЯНАО, дата интервью — 22.12.2020, место проведения интервью — через Zoom

Информант П., место рождения — ЯНАО, дата интервью — 22.12.2020, место проведения интервью — через Zoom

Информант Э., место рождения — ЯНАО, дата проведения — 25.12.2020, место проведения — Тюмень, ТюмГУ

Информант Я., место рождения — ЯНАО, дата интервью — 22.12.2020, место проведения интервью — через Zoom

NORTHERN INDIGENOUS YOUTH: IDENTITY CONSTRUCTING STRATEGIES

Svetlana Tulaeva^a (svett07@mail.ru),
Elena Gladun^b,
Olga Zakharova^b

^a North-Western Institute of Management, Russian Academy of National Economy and Public Administration, Saint Petersburg, Russia

^b Tyumen State University, Tyumen, Russia

Citation: Tulaeva S., Gladun E., Zakharova O. (2022) Molodezh korennykh malochislennykh narodov Severa: strategii konstruirovaniya identichnosti [Northern indigenous youth: identity construction strategies]. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 25(1): 168–189 (in Russian).
<https://doi.org/10.31119/jssa.2022.25.1.6>

Abstract. Currently, local cultures are actively integrated into the global world, which is accompanied by the interpenetration of various cultural practices and the “stitching of cultural patches”. In this regard, the question of how exactly this “cross-linking of cultures” takes place is of particular interest. In this article, we try to answer this question by studying the local communities of the Russian North. The article is devoted to the problem of constructing and maintaining identity among young people belonging to the indigenous small-numbered peoples of the North. On the one hand, young people are focused on the modern style of life, on the other hand, they position themselves as representatives of traditional culture and strive to maintain contact with it. The paper analyzes the main strategies of young people from the indigenous population of the North, allowing them to balance between their belonging to the communities associated with the traditional way of life, and the modern world. These include: parallel worlds strategy, explorer strategy, and global nomad strategy. The first strategy is an attempt to combine the traditional way of life and work in the company, while the other two strategies are more focused on getting out of traditional communities and transmitting knowledge about them to the outside world. Special attention is paid to social rituals aimed at reinterpretation of previous practices and referred to in the academic community as “reinvention of traditions”. The latter occurs through the mixing of various cultural

practices, the transfer of traditions from one environment to another, and the reorientation of traditional rituals to an external audience. This demonstrates the “fluidity” of cultures and their constant adaptation to a changing external context. The work was carried out on the basis of a qualitative methodology. The main methods were semi-structured interviews and document analysis.

Keywords: indigenous small-numbered peoples of the North, identity, invention of traditions, identity maintenance strategies, youth, traditional communities.

References

- Bals M., Turi A.L., Skre I., Kvernmo S. (2011) The relationship between internalizing and externalizing symptoms and cultural resilience factors in Indigenous Sami youth from Arctic Norway. *International Journal of Circumpolar Health*, 70(1), 37–45. doi: 10.3402/ijch.v70i1.17790.
- Benhabib S. (2002) *The claims of culture. Equality and diversity in the global era*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Bolotova A., Karaseva A., Vasilyeva V. (2017) Mobility and Sense of Place among Youth in the Russian Arctic. *Sibirica*, 16(3): 77–123. doi: 10.3167/sib.2017.160305.
- Brubaker R. (2004) *Ethnicity without groups*. Cambridge: Harvard University Press.
- Brubaker R., Kuper F. (2002) Za predelami «identichnosti» [Beyond “Identity”]. *Ab Imperio*, 3: 61–115 (in Russian).
- Calhoun C. (2013) *Nacionalizm* [Nationalism]. Moscow: Directmedia (in Russian).
- Davydov V.N. (2006) Kul'turnaya autentichnost' i korennye narody: institutsional'nye protsessy i politika identichnosti [Cultural Authenticity and Indigenous Peoples: Institutional Processes and Identity Politics]. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 9(3): 93–109 (in Russian).
- Filippova N.A. (2020) Pravo korennykh narodov: perspektivy razvitiya v usloviyakh osvoeniya Arktiki [The Law of indigenous peoples: Prospects for development in the conditions of Arctic development]. In: Kharlampyeva N.K. (ed.) *Arktika: obshchestvo, nauka i pravo* [Arctic: Society, Science and Law]. St. Petersburg: SPbGU (in Russian).
- Golovnev A.V. (2012) Etnichnost': ustojchivost' i izmenchivost' (opyt Severa) [Ethnicity: stability and variability (the experience of the North)]. *Etnograficheskoye obozreniye*, [Ethnographic Review], 2: 3–12 (in Russian).
- Hamilton L.C., Seyfrit C.L. (1993) Town-village contrasts in Alaskan youth aspirations. *Arctic*, 46(3): 255–263.
- Hobsbaum E. (2000) Izobretenie traditsij [Inventing traditions]. *Vestnik Evrazii* [Bulletin of Eurasia], 1(8): 47–62 (in Russian).
- Hobsbawm E., Ranger T. (eds.) (2012) *The invention of tradition*. Cambridge: : Cambridge University Press.
- Huggan G. (2001) Virtual multiculturalism: the case of contemporary Britain. In: Broich U., Bassnett S. (eds.) *Britain at the Turn of the Twenty-First Century*. Brill: 67–85.
- Kryazhkov V.A. (2002) Korennye malochislennye narody Rossii i mezhdunarodnoe pravo [Indigenous small-numbered peoples of Russia and international law]. In: *Obychaj i zakon: issledovaniya po yuridicheskoy antropologii* [Custom and Law: Studies in Legal

Anthropology]. Ed. by N. Novikova, V. Tishkov. Moscow: Strategiya: 109–134 (in Russian).

Kvale S. (1996) *Interviews: An Introduction to Qualitative Research Interviewing*. Thousand Oaks: Sage.

Lyarskaya E.V. (2016) «Komu-to tozhe nado i v gorode zhit'...»: nekotorye osobennosti transformacii social'noj struktury nencev Yamala [“Someone also needs to live in the city...”: Some features of the transformation of the social structure of the Nenets of Yamal]. *Etnograficheskoye obozreniye* [Ethnographic Review], 1: 54–70 (in Russian).

Novikova N.I. (2013) Korennye narody rossiyskogo Severa i neftegazovye kompanii: preodolenie riskov. [Indigenous Peoples of the Russian North and Oil and Gas Companies: Overcoming Risks]. *Arktika: ekologiya i ekonomika*. [Arctic: ecology and Economics], 11(3): 102–111 (in Russian).

Novikova N.I. (2008) *Lyudi Severa: prava na resursy i ekspertiza* [People of the North: resource rights and expertise]. Moscow: Strategiya (in Russian).

Pika A.I. (1996) Neotradicionalizm na rossijskom Severe [Neotraditionalism in the Russian North]. *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological Research], 11: 47–53 (in Russian).

Richards G., Wilson J. (2004) *The Global Nomad: Backpacker travel in theory and practice*. Clevedon: Channel View Publications.

Smith A. (1998) *Nationalism and modernism. A critical survey of recent theories of nations and nationalism*. London; New York: Routledge.

Tishkov V.A., Novikova N.I., Pivneva E.A., Stepanov V.V. (2014) Korennye narody rossijskoj Arktiki: istoriya, sovremennyy status, perspektivy [Indigenous Peoples of the Russian Arctic: history, modern status, prospects]. Moscow: Institut etnologii i antropologii RAN [Moscow: Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences] (in Russian).

Toivanen R., Fabritius N. (2020) Arctic youth transcending notions of ‘culture’ and ‘nature’: emancipative discourses of place for cultural sustainability. *Current Opinion in Environmental Sustainability*, 43: 58–64.

Vasileva O., Maklashova E. (2018) *Molodezh' Arktiki: identichnosti i zhiznennyye strategii* [Arctic Youth: identities and life strategies]. Yakutsk: IGIIPMNS SO RAN (in Russian).

Zhidkova N., Tulaeva S. (2020) Kul'turnaya politika v rossijskih regionah: korennye narody, gosudarstvo i korporacii [Cultural Policy in Russian Regions: Indigenous Peoples, the State and Corporations]. *Zhurnal issledovaniy sotsialnoy politiki* [Journal of Social Policy Research], 18(3): 429–444 (in Russian).